

«ДРУГОЙ» В РОМАНЕ Э.М. ФОРСТЕРА «ПОЕЗДКА В ИНДИЮ»

В современном обществе неоднородность и многомерность социального бытия все более пронизывает все события жизни людей. Основными категориями, описывающими современность, являются плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость. Ключевой ценностью является различие, но не как простое несходство составных компонентов многообразия, а как активное взаимодействие ценностей и идей; именно различие становится основным структурообразующим фактором современной жизни. В таком фрагментарном, децентрализованном мире все большее значение приобретает проблема «Другого». Проблема инаковости является одной из центральных и в творчестве английского прозаика Эдуарда Моргана Форстера (1879-1970). «Другой» определяет пространство и время существования в новеллах и романах Форстера.

В данной статье выявляются взаимоотношения «Я» и «Другого» в последнем романе писателя «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924г.). Говоря о «Другом», мы будем иметь в виду не только иного субъекта, но и «другость», которая обнаруживается и в самих героях.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу произведения, остановимся на некоторых моментах, составляющих основу философской системы Э.М. Форстера. При анализе романов и новелл Форстера необходимо иметь в виду дихотомию «развитое» – «неразвитое» сердце (по терминологии самого прозаика), пронизывающую все его творчество. «Неразвитое» сердце не означает холодного сердца; человек с «неразвитым» сердцем сдерживает свои чувства. В эссе «Заметки об английском характере» Э.М. Форстер отмечает, что англичанин «боится дать волю чувствам. Его [англичанина. – Д.П.] учили в школе, что проявлять чувства – неприлично, это дурной тон» [1, 285]¹. Виной сформировавшегося у англичан «неразвитого» сердца, по мнению Форстера, является система закрытых школ, на которых зиждется система образования Англии², и в романе «Поездка в Индию» писатель акцентирует на этом свое внимание. Так, например, «Ronny's religion was of the sterilized Public School brand» [2, 250]. Форстер предчувствовал опасность этого «недуга», ибо эмоциональная скупость, порожденная «неразвитым» сердцем приобретает в романе едва ли ни универсальный характер: «it was the Public School attitude, flourishing more vigorously [in India. – Д.П.]

¹ В связи с этим интересно упомянуть и *вымышленную* автором историю, повествующую о его поездке на континент с другом индийцем. Друзья прекрасно провели время и были опечалены, когда настала пора расставаться, но вели себя при этом по-разному. Индиец впал в отчаяние, а автор не видел особых причин волноваться, так как они могли встретиться через некоторое время. Они вновь встретились через месяц, и Форстер начал бранить своего друга за то, что он испытал столько чувств по «такому пустячному поводу» [1, 286]. «Как, – вскричал он [индиец. – Д.П.], – ты отмериваешь чувства, как картофель?!» [1, 286]. Эта история проливает яркий свет на английский характер. Англичане с «неразвитыми» сердцами полагают, что «отмерять их [чувства. – Д.П.] ... как картофель ... лучше, чем выплескивать их, как воду из ведра» [1, 286]. *Истинный* Форстер обладал «развитым» сердцем и придерживался другой точки зрения: «Чувства не измеряются. Важно одно – их искренность. ... Чем сильнее мы изливаем свои чувства, тем их становится больше» [1, 286]. Отсюда, очевидно, пристальное внимание Форстера к искренним, порой чудачковатым, по-детски наивным героям его новелл и романов. Мусульманин доктор Азис в романе «Поездка в Индию» говорит словами вышеупомянутого индийца (а, впрочем, самого Форстера): «Is emotion a sack of potatoes, so much the pound, to be measured out? Am I a machine?» [2, 246-247].

² Э.М. Форстер сам учился в закрытой привилегированной школе, впечатления от пребывания в которой легли в основу романов «Самое длинное путешествие» («The Longest Journey», 1907г.) и «Морис» («Maurice», издан посмертно в 1971г.).

than it can yet hope to do in England» [2, 40]. Ронни, как и остальные англичане в романе, испытали на себе воздействие системы закрытых школ. В «Заметках об английском характере» Форстер пишет, что «совместная жизнь под одной крышей, обязательное участие в спортивных состязаниях, надзор старших учеников над младшими и прислуживание младших старшим ... – все это создало тип людей, общественная значимость которых велика даже независимо от их количества» [1, 284]. Многие в романе переключаются с этим; Форстер подчеркивает снобизм и высокомерие англичан с «неразвитым» сердцем: «the Collector ... was now revealed like a god in a shrine» [2, 160]. «Неразвитое» сердце является также закрытым сердцем, и в «Поездке в Индию» присутствует этот элемент философской системы Э.М. Форстера: «Mrs Moore, your delightful doctor has decided on a picnic, instead of a party in his house [курсив мой. – Д.П.]» [2, 80]. Закрытый мир героев с «неразвитым» сердцем не пропускает ничего постороннего, он закрыт для мира Другого. Закрытость от «Другого» и для «Других» препятствует самопознанию, ибо «нет никакого “Я” без какого-то “Ты”, но так же и “Ты” невозможно без “Я”» (по М. Буберу). Более того, по З. Фрейду, в психической жизни человека *всегда* присутствует другой. Следовательно, представляется очевидным, что полноценное «Я» невозможно при исключении «Другого» («Других»).

В «Поездке в Индию» «Другой» ставит героев на психическую, социальную, нравственную грань; они постоянно балансируют на грани «Я» – «Другой», некоторые герои постоянно оказываются в положении маргинала: «he [Mr. Harris. – Д.П.] did not know to whom he belonged» [2, 89], или, например, Филдинг «had no roots among his own people» [2, 254]. Идентичность героев распадается на части; порой рассыпается на отдельные фрагменты. Попытки героев удержать тождество – необходимость удержать синтез многообразного, гетерогенного. В этом Форстер переключается с концепцией постмодернизма, ведь, как верно отмечает З. Бауман, «... заговздка теперь не в том, как раскрыть, изобрести, соорудить, собрать (или даже купить) идентичность, но как избежать застревания на месте. Крепко сложенная и долговечная идентичность из достоинства превращается в недостаток. Гвоздь жизненной программы постмодерна не построение идентичности, но избегание фиксации» [3, 123]. Таково и «Я» форстеровских героев – многолико и подвижно. Любопытно, что в повествование Э.М. Форстер вводит образ бога Кришны. В основе исполненной профессором Годболом песни лежит легенда о любви пастушек к богу-пастуху Кришне. В юности Кришна играл на берегах реки Джамны с пастухами и пастушками. Однажды ночью Кришна скрылся в роще и стал играть на флейте; услышав зов любви, пастушки бросили своих спящих мужей и отправились на поиски Кришны. Когда они нашли его, он сказал, что звал их, чтобы показать им, как прекрасна Джамна при лунном свете, и велел им вернуться к своим мужьям. Его слова больно ранили сердца пастушек: они бросили ради него своих мужей и детей, а он их обманул, он оказался холодным и жестоким. И они стали звать его, чтобы он пришел к ним и любил их. Тогда Кришна предстал перед ними в образе *сотен Кришин* и стал танцевать с каждой из них, и каждая думала, что он любит ее больше остальных.

На протяжении всего романа автор подчеркивает множественность и нестабильность «Я»: «she [Mrs. Moore. – Д.П.] continued: “What a terrible river! What a wonderful river!”» [2, 32]; «No one is my [Aziz’s. – Д.П.] friend. All are traitors, even my own children. ... My temper is strange; take me, forgive me» [2, 263]. Более того, «he [Dr. Lal. – Д.П.] did not change it [his mind. – Д.П.], it changed itself» [2, 55]. Порой «Я» меняется и проявляет свою множественность так быстро, что в романе нельзя уследить, что является «загадкой» («mystery»), а что «хаосом» («muddle»): «As they [Mrs. Moore and Adela. – Д.П.] spoke, the sky to the left turned angry orange. ... They awaited the miracle. But at the supreme moment, when night should have died and day lived, nothing

occurred» [2, 136]. Роман пропитан понятием «изменение» («change»). Например, «The sky too has its changes, but they are less marked than those of the vegetation and the river» [2, 10]; или, например, «the courtyard ... contained an ablution tank of fresh clear water, which was always in motion» [2, 20]. Все постоянно меняется и замещается Другим(и). Более того, грань между «Я» и «Другим» порой кажется и вовсе несуществующей: «The evil action [изнасилование, которое доктор Азис якобы совершил в отношении Аделы Куестед. – Д.П.] ... was performed by the guide. ... It was performed by you [Aziz. – Д.П.]. ... It was performed by me [Professor Godbole. – Д.П.]. ... It was even performed by the lady herself [Adela. – Д.П.]» [2, 175]. Множественность «Я» в какой-то степени является следствием расколотой Индии, ее как таковой цельности не существует; она «ничья» («nobody's India»), ее «сотни» («a hundred Indias»), и она разрываемая приверженцами ислама, индуизма, джайнизма. Вследствие такого разнообразия реальности героям доступен лишь их мир, его фрагмент, за пределы которого не всем суждено вырваться – не из-за того, что это невозможно в принципе (хотя для таких героев, как Ронни Хэзлуп выход за пределы вряд ли возможен), а из-за того, что за его границами нет для них ничего значимого (например, мусульманин доктор Азис, обладающий «развитым» сердцем не проявляет интереса к празднованию фестиваля Gokul Ashtami в честь бога Кришны в последней части романа). В таком децентрированном мире Другие нелегко идут на контакт, а «Я» героев с «недоразвитым» сердцем вообще не выходит навстречу Другому: «Intimacy – never, never. The whole weight of my [the Collector's. – Д.П.] authority is against it» [2, 161]; и поэтому «man is no nearer to understanding man» [2, 134]. Отсутствие понимания между людьми – одна из центральных тем романа. Мы полагаем, что героям не удастся достичь взаимопонимания отчасти потому, что они пытаются это сделать лишь с помощью «good will plus culture and intelligence» [2, 62]. Герои с «неразвитым» сердцем постоянно игнорируют и упускают из виду эмоциональный компонент при диалого-коммуникации.

Герои романа находятся в постоянных поисках себя, при этом они изменяются и изменяют Других. Эти поиски происходят в интересубъективном пространстве диалога с Другими. Общение с иной субъективностью открыто лишь для героев с «развитым» сердцем, коими являются, например, миссис Мур и доктор Азис, которые вышли за пределы «нахождения у себя» (термин Э. Левинаса), приняли друг друга и уже при первой встрече достигли сакрального момента откровения:

– “You [Mrs. Moore. – Д.П.] understand me [Aziz. – Д.П.], you know what others feel. Oh, if others resembled you!”

Rather surprised, she replied: “I don't think I understand people very well. I only know whether I like or dislike them”.

– “Then you are an Oriental” [2, 24].

«Выход за пределы» нахождения у себя возможен лишь с признанием Другого, с принятием на себя ответственности за него. Верно пишет французский философ Э. Левинас, что «сама встреча с Другим уже есть моя ответственность за него. Ответственность за Другого – это более строгое название того, что обычно именуют любовью к ближнему, любовью без Эроса, милосердием, любовью, где нравственное доминирует над страстью, любовью без вожеления» [4, 320]. Таков искренний мусульманин Азис в романе Форстера: «they [Mrs. Moore and Miss Quested. – Д.П.] were dependent on him for a few hours, and he felt grateful to them for placing themselves in such a position» [2, 140], или, например, «abruptly he took up a new attitude towards his friend [Mr. Fielding. – Д.П.], the attitude of the protector ...» [2, 117]. Момент откровения связан, на наш взгляд, с идеей «приглашения» («invitation»), благодаря которому возможно построение подлинного интересубъективного пространства. Под «приглашением» мы

пониманием такую активность «Я», при которой происходит признание и примирение с инаковостью Другого, в результате чего и возможен выход в его сферу. Истинный диалог означает соглашение инаковостей. «Приглашение» должно исходить из сердца, вот почему это недостижимо героями с «недоразвитым» сердцем. Например, «if she [Adela. – Д.П.] wasn't one of them, they ought to have made her one, and they could never do that now, she had passed beyond their invitation» [2, 177]. Недалекий Ронни полагает, что «Aziz would make some ... muddle over the caves. He meant nothing by the invitation» [2, 81]. Он не в состоянии понять, что приглашение Азиса посетить пещеры – это не увеселительная поездка (хотя она именно так и воспринимается Аделой Куестед), а путешествие в глубины своего «Я». Те, кому удастся преодолеть изолированное «Я», замыкающееся в собственном круге тождественности, способны испытать «метафизическое желание» (термин Э. Левинаса), которое, согласно философу, отлично от обыденных желаний и возникает не для удовлетворения. Оно само по себе является наслаждением, ибо «желает доброты». У Форстера: «There was nothing he [Aziz. – Д.П.] would not do for her [Mrs. Moore. – Д.П.]. He would die to make her happy» [2, 131]. Такое же желание возникает и у мистика Годбола: «He [Professor Godbole. – Д.П.] was a Brahman, she Christian, but it made no difference, it made no difference whether she was a trick of his memory or a telepathic appeal. It was ... his desire to place himself in the position of the God and to love her ... [2, 285-286]. Примечательно, что подобное желание возникает в романе и у мусульманина, и у индуса. Расколота Индия пытается соединиться, и в этом Э.М. Форстер вновь переключается с постмодернизмом с его установкой на стирание граней и границ.

Встреча с другим «Я» (а Другого, по Ж.П. Сартру, именно «встречают, его не конституируют») и пребывание в подлинном интересубъективном пространстве (под подлинным интересубъективным пространством мы понимаем такой диалог-коммуникацию, при котором возникает «метафизическое желание») невозможны для героев с «неразвитым сердцем». Для них поиски своего «Я» нелегки и порой трагичны. Так, например, Адела Куестед в Марабарских пещерах получила, говоря словами Ж. Лакана, «мгновенную картину собственного отражения». Поездка в пещеры оказалась для Аделы драмой, в результате которой она осознала себя иной, чем она была. Причиной тому – неумение «соединиться» («only connect»). Умение «соединиться» Форстер считал одним из основных качеств гармонично развитой личности, так как «nothing can be performed in isolation» [2, 174]. Всю жизнь Адела подавляла свои эмоции, жила по законам разума; в конце концов, ее рационализм привел ее к духовной драме. Такую же драму ожидает, по мнению Форстера, и большинство англичан: «the Europeans were putting aside their normal personalities and sinking themselves in their community. Pity, wrath, heroism, filled them, but the power of putting two and two together was annihilated» [2, 162]. Они это осознают сами: «I [Adela. – Д.П.] can do this right, and that right; but when the two are put together they come wrong. That's the defect of my character» [2, 253].

В Марабарских пещерах (скажем, в пещерах своего «Я») Адела ощутила то, что Ж. Лакан назвал «желанием другого». «Любое человеческое действие, даже самое альтруистическое, возникает из желания быть признанным Другим из жажды самопризнания в той или иной форме. Желание – это желание ради желания, это желание Другого» [5, 90]. Человек видит в другом собственное отчужденное желание; он распознает свое желание в теле другого. В беседе с Азисом Адела осознает, что союз с Ронни был всего лишь «spurious unity». Более того, она сожалела, что «neither she nor Ronny had physical charm» [2, 151]; а доктор Азис был «невысоким красивым азиатом». В связи с этим критик Ф.К. Круз пишет, что «подсознательно она [Адела. – Д.П.]

желает, чтобы он [Азис. – Д.П.] ее изнасиловал» [6, 43]. Аделу, однако, ожидало разочарование:

- “Are you married, Dr. Aziz?” she asked, stopping again, and *frowning* [курсив мой. – Д.П.].
- “Yes, indeed, do come and see my wife” – for he felt it more artistic to have his wife alive for a moment.
- “Thank you”, she said *absently* [курсив мой. – Д.П.].
- “She is not at Chandrapore just now”.
- “And have you children?”
- “Yes, indeed, there”, replied in firmer tones.
- “Are they a great pleasure to you?”
- “Why, naturally, I adore them”, he laughed [2, 150].

Азис обладает тем, чего не хватает Аделе (она поняла, что не любила Ронни, их союз был всего-навсего «животной близостью»). Азис является носителем желания Аделы; он обладает недоступным ей и вызывает желание оказаться на его месте: «Я хочу, чтобы другого не было, а на его месте был я сам. Иначе говоря, в другом я вижу свое собственное «Я», вижу себя на месте другого и узнаю ... в нем свои собственные желания» [7, 135]. Ж. Лакан отмечает, что удовлетворение желания может осуществиться лишь только в результате его снятия – разрушения или трансформации желаемого объекта. Адела в романе и действует по лакановской схеме: она обвиняет Азиса в изнасиловании. Без взаимного признания Другой остается лишь носителем отчужденного желания, тем, кто фрустрирует человеческое существо. Возникающее при этом напряжение находит выход в разрушении Другого.

Существует еще один выход – игра, в которой не происходит уничтожение Другого. У Форстера Азис играет с солдатом в поло; участники игры подчиняются ее символическим правилам, которые ограничивают желания обоих и делают возможным существования игры. Игра в поло оказала на Азиса и его партнера благотворное воздействие: «nationality was returning, but before it exert its poison they parted, saluting each other. «If only they were all like that”, each thought» [2, 57]. «Игра, – пишет Й. Хейзинга, – необходима индивиду как биологическая функция, и она необходима обществу в силу заключенного в ней смысла, в силу своего значения, своей выразительной ценности, в силу завязываемых ею духовных и социальных связей – короче, необходима как культурная функция. Игра удовлетворяет идеалы коммуникации ...» [8, 19]. Своего рода пародией на «игру» является «Bridge Party», целью которой являлось наведение мостов между Западом и Востоком. В игру с Аделой, кажется, играет ее до сих пор ей кажущееся монолитное «Я»: «Her vision was of *several* [курсив мой. – Д.П.] caves. She saw herself in one, and she was also outside it, watching its entrance, for Azis to pass in. She failed to locate him» [2, 222].

Инцидент в пещерах оказался благотворным для Аделы: «У меня такое чувство, что всем нам надо на несколько столетий вернуться в пустыню и попытаться исправиться. Я хочу начать с самого начала. Все, чему я научилась, – просто помеха, а совсем не знание». Когда Адела осознала всю ограниченность своего рационализма, «Я» перестало диссонировать с преследующем ее эхо, она стала уверена в невинности Азиса. Только на суде ей удастся «соединиться». Вопрос лишь в том, какого уровня целостности в иерархии «Я есть тело», «Я есть Я» и «Я есть Ты» (по Гофману) она достигла, ибо «... the girl’s sacrifice – so creditable to Western notions – was rightly rejected, because, though it came from her heart, it did not include her heart» [2, 238].

В заключении подчеркнем еще раз, что «Я» героев романа Э.М. Форстера «Поездка в Индию» не может быть четко определено, поскольку оно всегда в поисках

самого себя и может быть репрезентировано только через Другого: «he [Ronny. – Д.П.] never dreamt that an Indian could be a channel of communication between two English people» [2, 82]. Э.М. Форстер трансформирует идею познания своего «Я» через Другого; она проходит путь от частного к универсальному: «Pull out from the depths those thoughts that you [Lucy. – Д.П.] do not understand, and spread them out in the sunlight and know the meaning of them. By understanding George you may learn to understand yourself. It will be good for both of you» [9, 32], – говорит герой раннего романа Форстера «Комната с видом» («A Room with a View») мистер Эмерсон-старший. В «Поездке в Индию» данная идея достигает философского обобщения: «we exist not in ourselves, but in terms of each other's minds» [2, 242]. В связи с этим очевидна актуальность романа «Поездка в Индию», ибо в децентрированном, фрагментарном и мозаичном мире «не-Я», а «Другой» стал центром социального познания.

Литература

1. Форстер Э.М. Заметки об английском характере // Форстер Э.М. Избранное. Пер. с англ. Сост. Н. Рахмановой. – Л., 1977. – 377с.
2. Forster E.M. A Passage to India. David Campbell Publishers Ltd., 1991. – 296p.
3. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. – №4. – С. 118-135.
4. Левинас. Э. Философия, справедливость и любовь // Путь в философию: Антология. – М.; СПб., 2001. – С. 320-329.
5. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: Инион РАН – Intrada. 2001. – 384с.
6. Colmer, John. E.M. Forster: A Passage to India. – London: Arnold, 1974. – 64p.
7. Горностаева М.В. Символический закон «признания другого» как основа человеческого общежития (в психоаналитической концепции Ж. Лакана) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – М., 2000. – N 2. – С. 123-139.
8. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
9. Forster E.M. A Room with a View. L.: Penguin Books, 1976.